

На ледяном озере окоченевшая до синевы маленькая обезьянка постепенно теряла силы, и даже её крики становились всё тише, почти неразличимыми. Взрослые обезьяны, бросившиеся ей на помощь, попадали в расставленные людьми ловушки и получали ранения, но ещё больше их проваливалось в ледяную воду - лёд на озере ещё не успел как следует схватиться.

Вода была слишком холодной. Продвигаться дальше было невозможно: им приходилось спешно выбираться на берег, быстро стряхивать с шерсти воду с кусочками льда и возвращаться в стаю, чтобы согреться теплом сородичей. Потому что стоило лишь немного задержаться в ледяной воде, и тело стремительно теряло тепло, и даже обезьяны с густым мехом почти не имели шансов выжить.

Это была жестокая, заранее продуманная бойня, направленная против золотистых обезьян. Заговорщики выбрали именно этот участок плавучего льда, рассчитывая, что большая часть стаи провалится в ледяное озеро и замёрзнет насмерть, после чего добычу можно будет спокойно собрать. Вдобавок они расставили ловушки, чтобы обезьяны не смогли быстро спасти приманку в центре озера. Так они одновременно избегали нападения стаи и получали целые, не повреждённые ранами шкуры.

Поймать одну-две редкие горные птицы или зверя уже не могло насытить их алчность, а эта стая обезьян с ослепительно золотистой шерстью и подходящими размерами, да ещё и дающая достаточно мяса, была для них поистине наилучшей добычей. Драгоценные, редкие шкуры можно было продать знатным и богатым людям за огромные деньги. Кроткие животные лишь из-за собственной красоты навлекли на себя беду истребления целого рода.

Главарь лежал, припав к снегу за приозёрным склоном. Замёрзнув, он вытащил флягу и сделал несколько жадных глотков, одновременно пересчитывая обезьян, которых становилось всё больше вокруг озера - их привлекали отчаянные крики маленькой обезьянки. Возбуждение переполняло его, и он поспешно обернулся к подручным, державшим верёвки ловушек.

— Смотрите в оба. Как только подойдут к озеру - сразу тяните. Лучше ни одной не упустить. Сделаем это дело, и на несколько лет нам, братцы, хватит и еды, и питья. Не придётся больше грабить амбары. Чёрт возьми, сейчас в каждом доме пусто, даже помещики голодают. Ограбишь один раз, а этого не хватит даже, чтобы напиться в цветочном квартале.

За снежным склоном, скрытые от глаз, охотники, потирая руки, выжидали удобный момент, а на прибрежных деревьях обезьянья стая металась в горе и ярости. Самые сильные и ловкие обезьяны не могли пересечь ледяное озеро: им приходилось в беспорядке возвращаться назад, и у многих лапы были изрезаны ловушками. Старый обезьяний вожак, уже обременённый годами, мутным взглядом смотрел на середину озера - туда, где в тщетной борьбе с холодом и усталостью слабел самый маленький и самый смыслённый детёныш стаи.

И тогда, под тревожный гул всей стаи, старый вожак подозвал к себе всех молодых обезьян, уже готовых ринуться вперёд, а сам в одиночку вышел на лёд. Опыт и мудрость, накопленные за долгую жизнь, помогли ему с предельной осторожностью обойти все расставленные вокруг ловушки. Он припал к поверхности, стараясь не проломить тонкий лёд, и медленно пополз к центру озера.

Человек, державший верёвки, встревоженно обернулся к главарю, который пил за его спиной:

— Босс, там старая обезьяна вроде бы почти добралась до середины льда!

Главарь раздражённо махнул рукой:

— Чего разорались, тьфу ты... Тяни ловушки!

— Я тянул... а он... он все их обошёл.

Тут главарь резко вскинулся, подполз к краю снежного откоса и уставился на озеро. Старый вожак обезьян всё ближе подбирался к приманке. Главарь рванул за ворот ближайшего подручного:

— Лук бери! Стреляй, убей эту тварь! Живо!

И тут же добавил, скрипнув зубами:

— В голову целься. Шкуру не испорти.

Старый вожак обезьян, всё ещё распластавшийся на льду, будто что-то почувствовал. Он повернул голову и посмотрел в сторону снежного склона. Взгляд его был слишком похож на человеческий, так похож, что стрелок на мгновение замер, и по спине у него пробежал холодок.

— Босс... — пробормотал он, — с первого взгляда... эта обезьяна прямо как человек.

Главарь сплюнул:

— Не прикидывайся, скотина. Ну и что, что как человек? Мы что, людей мало перебили? Быстро! Стреляй!

Подручный подумал - и правда. В такие времена даже у самых тихих, забитых крестьян за плечами нередко водилась не одна человеческая смерть. А уж у них, у разбойников, что промышляли налётами, тем более. Наденешь чёрную тряпку на лицо, и при погроме не разбираешь, кто перед тобой: мужчина или женщина, старик или ребёнок, живой или мёртвый, всё едино.

Сердце его было твёрже железа.

Он наполовину высунулся из-за снежного склона, наложил стрелу и выстрелил. В тот самый

миг, когда главарь уже решил, что дело сделано и всё под контролем, стоявший рядом с ним прославленный стрелок вдруг выронил лук, глухо застонал и рухнул лицом в сугроб.

Остальные опешили, сперва решив, что его просто свалил холод. Но стоило перевернуть тело, как всё стало ясно: под головой снег был залит густой алой кровью, а из черепа торчала стрела с орлиным оперением. Наконечник вошёл точно через глазницу и вышел с затылка.

Ирония судьбы - шкура осталась целой.

У всех разом похолодело внутри. Стрела прошла навывлет, значит, была и быстрой, и безупречно точной, и пущенной с ужасающей силой. Люди, годами жившие «на острие ножа», чувствуют смерть кожей. В одно мгновение все расслабленные разбойники вскочили, хватаясь за ножи и мечи, и больше никто не осмеливался высунуться из-за снежного откоса.

Главарь никак не ожидал встретить в этой глуши посторонних, да ещё и такого стрелка. Перебрав в уме варианты, он решил, что, скорее всего, кто-то из их же братии раньше проболтался, и теперь в горы пришли конкуренты, такие же, как они, охотники за чужой добычей. Но ведь дело ещё не завершено, разве они не боятся, что курица улетит, а яйца разобьются*?

(ПП: идиома, означает потерпеть полную неудачу, потерять и то, и другое, остаться ни с чем.)

Главарь поспешно отдал приказ подручным:

— Тяните верёвки! Заберите обезьянёнку, уходим отсюда, меняем место. Чёрт бы побрал тех, кто нам мешает, наверняка из своих кто-то проболтался.

Он и не подозревал, что стрелявший вовсе не был бандитом из «чёрных», грабящих друг друга, а был Жун Фэн, тот самый, кто наконец-то нашёл обезьянью стаю.

Когда они с Бянь Хуном добрались до озера, старый вожак уже вышел на лёд. Оценив обстановку и не имея иного выбора, Жун Фэн в решающий миг решительно выстрелил, одной стрелой убив врага наповал, чтобы запугать остальных. Но с детенышем всё оказалось иначе. Увидев, что дело принимает дурной оборот, люди дёрнули верёвку и стали тащить детёныша обратно. Старый вожак, заметив это, поднялся на льду и бросился в погоню.

Он не пробежал и двух шагов - лёд не выдержал его веса, и обезьяний вожак провалился в ледяную воду. Он видел, как обессиленного детёныша утаскивают всё дальше и дальше от него. С тяжёлым вздохом старый вожак, погружаясь в ледяную реку, собрал последние силы и поплыл к берегу.

А тем временем отступившие на другую сторону разбойники действовали осторожно и разделились на две группы. Одна осталась у границы снежного склона и леса, тянула верёвки,

ожидаая, когда удастся вытянуть с озера обезьянёнка.

Вторая же, во главе с главарем, спустилась по снежному склону вниз: дальше уже начинались предгорья и выход из гор. Там, без прикрытия леса, меткий лучник неизбежно должен был показаться, а стоит лишь увидеть человека, как братва навалится всем скопом, изрубит ножами и мечами, что куда лучше, чем торчать здесь, подставляясь под стрелы.

У озера тех, кто тянул обезьянёнка, товарищи торопили криками:

— Быстрее, быстрее! Босс уйдёт далеко, не догоним!

— Толку с твоей спешки, — огрызнулся другой. — Столько времени ждали, верёвка намокла, да ещё и ко льду примерзла - больше половины схватилась, тянуть тяжело. Чёрт возьми, раз такой умный, сам тяни!

Несколько человек, ругаясь и суетясь, дёргали верёвку. И в этот момент последний из разбойников, стоявший позади всех, вдруг почувствовал холодок у горла. Когда он инстинктивно потянулся рукой, чтобы зажать шею, было уже слишком поздно.

Сзади к нему бесшумно подкралась невысокая, сухощавая фигура, вынырнувшая из сугроба. Он даже не успел ничего почувствовать, когда на горло лег изогнутый клинок. Человек за спиной рванул его за волосы и резко запрокинул голову, выдернув уязвимую шею из-под шарфа. В тот же миг клинок развернулся и чисто и точно перерезал горло. Кровь хлынула фонтаном, вместе с теплом его тела выплеснулась на снежный склон, впиталась в толстый слой снега, оставив рваные багровые пятна.

В миг смерти он успел лишь обернуться и в последний раз увидеть своего убийцу. У того были чёрные, глухие и мёртвые глаза.

Это стало последним, что он увидел в жизни. Потом всё погрузилось во тьму. Тяжёлая, полная греха и жестокости жизнь оборвалась; кровь в груди остывала, и он с булькающим хрипом выдохнул из залитого кровавой пеной горла последний вздох - и всё кончилось.

В следующей жизни не родись в смутные времена.

Несколько капель тёплой крови брызнули Бянь Хуну в лицо, а он стоял как вкопанный, не моргнув даже глазом. Ощущение в ладони, как клинок входит в плоть себе подобного, было до отвратительности знакомым. Но сейчас он не мог остановиться. В помутнении сознания ему показалось, будто он снова вернулся на то поле боя: холодное железо в руке, затупившееся от ударов, всё так же гнало вперёд. Боевые кони, и свои, и вражеские, были с головы до ног залиты кровью; она стекала по шерсти, капала, капала на землю.

Он не знал, чей это был муж, чей сын, а чей отец. Его подхватила и понесла волна, и он

превратился в орудие войны: в нож, в копьё, в алебарду, во что угодно, только не в человека.

Оставалась лишь резня.

Рубить и кромсать, отсекал головы и вспарывать тела, без конца убивать... убивать... убивать...

— Минь Си?

— Минь Си!

Кого зовут? Кто такой Минь Си?

Наконец Бянь Хуна крепко схватили за запястье тёплые, сильные руки, и он понемногу пришёл в себя, в глазах вновь появился свет.

Ах да. Теперь его зовут Минь Си.

Перед ним стоял высокий мужчина, всей ладонью сжимая руку, в которой он держал нож. Его собственная рука была холодной, как у водяного призрака, выкарабкавшегося из озера, но в захвате Жун Фэна она словно начала пропитываться человеческим теплом.

Он опустил взгляд - вокруг несколько разбойников уже были мертвы. Большинство лежало, сражённое стрелами, меньшая часть - с перерезанным горлом, в луже крови. Именно этому его учили во время подготовки в войске Хубэнь: самый быстрый и надёжный способ убивать.

Но Бянь Хун не успел предаться воспоминаниям. Он вновь взглянул на поверхность озера - маленького детеныша обезьяны уже вытянули наполовину; сейчас тот лежал на куске льда, дрожащем и готовом вот-вот расколоться. Верёвка, привязанная к его телу, давно примерзла к ледяной корке. Было ясно: прежде чем удастся вытащить его обратно, детеныш уже сорвётся в ледяную воду и утонет.

Бянь Хун неподвижно смотрел на холодное, безмолвное ледяное озеро, на крошечную одинокую фигурку, сжавшуюся в комок. Возможно, его сознание ещё не прояснилось до конца: в смутном наваждении этот образ то превращался в товарища, съёжившегося в глубине шахты, то в ребёнка, рыдающего в луже крови после разорённого города, то вдруг в него самого, ещё маленького, в метель брошенного у ворот приюта...

Это был собирательный образ всех тех, кого он не успел спасти.

И тогда он вырвался из тёплого захвата Жун Фэна и бросился к озеру.

<http://bllate.org/book/13502/1225403>